

Миновал пятый день первого лунного месяца, и, согласно установлениям предков Великой Шан, пришло время отправиться в Чэндэ, чтобы совершить обряд жертвоприношения небу и испросить благословения.

Основные силы Хунну были разбиты армией под предводительством Ци Цзюня, однако отдельные отряды всё ещё затаились в тенях, выжидая удобного случая. Поэтому в этот раз императорскую семью сопровождали не только дворцовые стражи, но и знаменитая Ляобэйская железная конница, чья слава о несокрушимости гремела по всей стране.

Когда императорский кортеж миновал заставу Шаньхайгуань, взору открылись бескрайние просторы. Стоял лютый январский холод; свинцовое небо, затянутое тяжелыми облаками, казалось прижатым к самой земле, и то и дело принимался идти снег. Степные пейзажи на плоскогорье целиком скрылись под толстым снежным покровом, а скованные льдом великие реки застыли, словно уснувшие исполинские змеи.

Ци Цзюнь, взяв на себя смелость распоряжаться по собственному усмотрению, передал командование Ляобэйской железной конницей двум своим заместителям, а сам верхом пристроился рядом с императорской каретой.

Сяо Юй, казалось, вовсе не замечал пронизывающего холода Чэндэ. Он то и дело приподнимал занавеску кареты, любуясь проносящимися мимо видами.

Преодолев путь в бешеном темпе, к сумеркам седьмого дня первого месяца путники добрались до летней резиденции в Чэндэ. Поскольку они остановились совсем близко, Ци Цзюнь помог Сяо Юю откинуть полог. Сяо Юй, облаченный в черное одеяние с красной подкладкой, выглядел бодрым и полным сил, несмотря на утомительную дорогу. Когда он выходил из кареты, Ци Цзюнь невольно засмотрелся на то, как в его глазах отражается закат: в этих ясных, словно лазурит, зрачках вспыхивало янтарное пламя. Ци Цзюнь прекрасно понимал, что впереди их ждет кровавая буря, но этот миг наполнил его сердце необъяснимым восторгом.

Первые четыре дня в резиденции прошли по заведенному порядку: все церемонии следовали одна за другой, и ничто не предвещало беды. Перемены начались на пятый день, когда император должен был лично принять сановников Управления астрономии, выслушать их отчеты о небесных знамениях и предсказания о судьбе государства.

Внезапно астролябия, которая должна была мирно покоиться на своем месте, раскололась на глазах у всех. Ци Цзюнь на рефlekсах прикрыл собой Сяо Юя, но осколок успел оставить глубокий порез на его запястье.

— Что это значит?! — прогремел голос регента Сяо И, стоявшего чуть поодаль. Он гневно воззрился на двух перепуганных астрономов.

— Ваше Величество, молим о пощаде! Астролябия не могла треснуть сама собой — раз это случилось, значит, небесные светила подали знак о великих переменах! — залепетали те в оправдание.

— О? И что же это за перемены, позвольте узнать? — с деланным недоумением спросил Сяо И, продолжая допрос.

Сяо Юй холодно наблюдал за тем, как эта троица разыгрывает спектакль, словно заранее знал, что сегодня произойдет. Какой бы огромной ни была власть регента, Сын Неба может быть только один. Во время обряда жертвоприношения он, облаченный в императорские одежды, стоял выше всех, тогда как Сяо И приходилось довольствоваться местом среди подданных. Эта пропасть между ними была непреодолима, и именно она сводила Сяо И с ума.

— Вчера ночью я наблюдал за небом и заметил, что звезда Тяньлан на северо-западе сияет необычайно ярко, словно грозит столкнуться с Луной. А сегодня мы видим кровавую Луну и недоброе расположение звезд в созвездии Южного Ковша. Такое знамение сулит новые военные конфликты на северо-западе, угрожает стабильности государства и предрекает смену власти!

Ци Цзюнь глубоко вздохнул. Он ждал этого дня так долго — кульминация наконец наступила.

— О? И что же, по-вашему, должен сделать Я, чтобы избежать этой беды? — небрежно спросил Сяо Юй.

— Государь, в начале правления второго императора нашей династии Великая Шан было точно такое же знамение. Тогда он издал указ о покаянии и простоял на коленях в Храме предков десять дней, лишь так удалось отвести несчастье.

— Выходит, вы предлагаете Мне последовать его примеру?

— Ваша забота о благополучии Великой Шан — великое счастье для народа. Ваш слуга безмерно тронут, — ответили чиновники, склонив головы еще ниже.

Сяо Юй обвел взглядом зал, изучая лица сановников, каждый из которых был занят своими мыслями, и в конце концов вновь остановил взор на астрономах. Указ о покаянии — это публичное признание вины императора перед всем миром.

Вдруг Сяо Юй разразился громким смехом и снова опустился на трон, принадлежащий лишь Сыну Неба. Ци Цзюнь был поражен величием, исходящим от юноши: это был настоящий государь, наделенный правом карать и миловать, свысока взирающий на своих подданных.

— Дядюшка, Мне правда страшно. Если Я издам такой указ, не станете ли вы, видя Мою слабость, сразу же требовать Моего отречения? — голос Сяо Юя звучал легко, но каждое слово попадало точно в цель, в самое сокровенное желание Сяо И.

Сяо И впился глазами в юношу на троне. Всё было совсем не так, как он себе представлял. Сяо Юй должен был вести себя так же, как на том банкете — покорно внимать каждому его слову!

Терпение регента лопнуло.

— Ваше Величество, ваш разум помутился, не слушайте этого бреда! Ради мира и спокойствия Великой Шан придется принести жертву. Стража! Уведите императора в кабинет!

Несколько воинов сорвались с места, направляясь к Сяо Юю, но стоило им ступить на первую ступень лестницы, как из их горл хлынула алая кровь, окрашивая белесую яшму ступеней.

Ци Цзюнь сжимал свой верный меч, прошедший с ним сквозь огонь и воду. Его удары были подобны яростному вихрю — нападавшие даже не успели позвать на помощь.

— Генерал Ци, что это значит? — Сяо И не ожидал, что Ци Цзюнь пойдет на открытое неповиновение. Сейчас лезвие меча, только что оборвавшего две жизни, упиралось в его кадык.

Капля холодного пота скатилась по подбородку регента. Он просчитался: он мог просчитать всё на свете, но ошибся именно в этом генерале. Каким бы доблестным ни было Любэйское войско, в нем всего две тысячи человек. Сяо И полагал, что генерал побоится выступить против него, обладателя власти над сотысячной армией, и предпочтет соблюдать нейтралитет ради безопасности своей семьи.

— Я давал клятву защищать императора и бескрайние земли Великой Шан ценою своей жизни, — спокойно произнес Ци Цзюнь.

— Измена! Мятеж! Стража, взять этого изменника! — придя в себя, закричал премьер-министр Ван Шэньчжи, приказывая воинам за пределами зала ворваться внутрь.

— Стойте! — приказал не Ци Цзюнь, а сам Сяо И.

— Не зря вас называют князем Юн, ваша прозорливость превосходит таковую у господина Вана, — усмехнулся Ци Цзюнь, словно жизнь и смерть были лишь забавной игрой. — Я три года провел на границе, уничтожив немало врагов, чья мощь была подобна бычьей. Вы стоите от меня меньше чем в шаге — мне достаточно лишь слегка взмахнуть рукой, и ваша голова отделится от плеч. Разве успеет стража за дверями спасти вас?

Воцарилась гробовая тишина. Рука Ци Цзюня, державшая меч, замерла в воздухе, не дрогнув ни на йоту. На шее Сяо И уже выступил порез, кровавая полоса пролегла по его напряженным жилам, словно многоножка. В этот миг он по-настоящему осознал весь ужас этого юноши, удостоенного столь высокого воинского звания в столь молодом возрасте.

Ци Цзюнь ждал приказа. Если бы Сяо Юй повелел схватить их, Любэйская конница ворвалась бы в зал и растерзала Ван Шэньчжи и Сяо И. Но Сяо Юй медлил.

— Генерал Ци, опустите меч, — мягко улыбнулся Сяо Юй. — Дорога была утомительной, мой дядюшка просто немного утомился и стал рассеянным. А что до этих двух негодяев, сеющих смуту, пусть генерал поступит с ними так, как подобает карать предателей.

— Ваше Величество! Помилуйте! Господин Ван! Вы же обещали, что всё будет в порядке! Господин Ван! А-а-а!

В одно мгновение свечи в зале, казалось, пошатнулись. Когда Ван Шэньчжи осознал, что дрожит он сам, его рот наполнился запахом сырого железа. Он дрожащими руками коснулся лица — это была кровь. Человеческая кровь. Головы двух астрономов, которые еще мгновение назад клялись в верности, покатались по полу и замерли навсегда.

Страх в этот момент стал червем, грызущим кости, потоком, ломающим плотины, тупой пилой в руках палача, разрывающей сердце на части. И он, и регент жестоко ошиблись. Они никогда не видели в Сяо Юе настоящего человека, считая его лишь тряпичной куклой, с которой можно играть. Теперь же уснувший лев наконец оскалил клыки.

— Сегодня должен был быть день радости и молитв, а вам пришлось видеть это. Сердце мое беспокойно, — Сяо Юй слегка вздохнул и потер переносицу. — Я ужасно устал. Прошу вас, регент, распорядитесь убрать этот мусор. Генерал Ци, проводите Меня в покои, Я хочу отдохнуть.

...

Ци Цзюнь вымылся в боковом зале и переоделся в чистую повседневную одежду. Когда он вернулся в покои императора, Сяо Юй сидел на полу, прислонившись к кровати, и выглядел таким сонным, что в нем невозможно было узнать того властного правителя, который только что противостоял регенту.

— Ваше Величество, на полу холодно, — напомнил ему Ци Цзюнь.

— Генерал Ци, садитесь рядом со Мной, — приказал Сяо Юй.

Ци Цзюнь, одновременно взволнованный и напряженный, пододвинулся ближе и осторожно опустился на пол. Это было самое близкое расстояние между ними — если, конечно, не считать тех встреч, что случались во снах. Сяо Юй с закрытыми глазами был прекрасен, словно древний портрет из коллекции его отца.

Ци Цзюнь не смел признаться императору, что днем он — генерал, а ночью — художник. Он внимательно изучал черты лица Сяо Юя, стараясь запомнить всё до мельчайших деталей, но боялся, что никакое мастерство не поможет ему запечатлеть подлинный дух этого человека.

— Если бы вы отдали приказ казнить заговорщиков, момент был идеальный, — Ци Цзюнь

заговорил о делах, опасаясь выдать свое смущение.

— Эти двое должны были исчезнуть, но Мне нужно учитывать общую картину. Сын Ван Шэньчжи, Ван Исюань — генерал левого крыла. Человек он мстительный, а в этот раз не приехал. Если не вырвать сорняк с корнем, потом не оберешься бед.

Ци Цзюнь вдруг всё понял: если бы они убили их сейчас, Ван Исюань, который ушел тренировать войска в Сяодун, узнал бы об этом, и тогда мятежа было не избежать.

— Генерал Ци, если бы не ваше вмешательство, боюсь, мне бы пришлось под давлением дядюшки подписывать этот указ, — Сяо Юй сел прямо и посмотрел на него. В его голосе звучала такая искренность, словно Ци Цзюнь был не просто подчиненным, а старым добрым другом.

— Это мой долг, — Ци Цзюнь слегка склонил голову, боясь, что его лицо снова вспыхнет, как в прошлые дни.

Спустя некоторое время Сяо Юй снова заговорил:

— Генерал Ци. — Его взгляд задержался на грубой одежде земляного цвета, в которую переоделся Ци Цзюнь. — Этот цвет слишком скучный. Мне всё-таки кажется, что вам больше идет синий.

<http://bllate.org/book/21170/2144724>